

отсутствие личной жизни

Труд. - 1995, - 12 авг. - с. 5.

В Молдавии искони шутят: каждый ребенок, появившись на свет в краю мелодичных дойн, раньше запоет, чем заговорит. Мария Биешу не была в этом смысле исключением. Но ни она сама, ни ее близкие и не думали, что девушку ждет оперная карьера. Свое предназначение она, как и многие крестьянские парни и девушки, видела в том, чтобы возделывать виноградник. Поэтому сразу после школы пошла в сельхозтехникум...

Но слава, как поется в песне, сама нашла ее. Она довольно быстро совершила путь от самодеятельной до всемирно известной певицы. Первый большой успех — третья премия на Конкурсе имени Чайковского. А год спустя, в 1967-м, как помнят меломаны, она — лучшая Чио-Чио-сан на первом международном конкурсе «Мадам Баттерфляй» в Токио.

— Мария Лукьяновна, отношение людей к оперному искусству у нас нынче не самое заинтересованное...

— К сожалению. Возьмите Национальную оперу Молдавии. Театр признала Европа. За короткий срок наша труппа побывала на гастролях: несколько раз в Италии, а также в Испании, Португалии, Франции, Бельгии... И везде публика принимала нас тепло. Дома же редкий спектакль обходится без пустующих мест в партере. Одно услаживает: к нам ходит очень темпераментная публика — истинные любители жанра, и, устраивая овации артистам, они создают иллюзию переполненного зала.

— Быть может, дело еще и в том, что опера во всем мире — элитарное искусство и весьма дорогое удовольствие?

— Как раз в наш театр билеты стоят сегодня в двадцать — тридцать раз меньше, чем на концерт какой-нибудь заезжей эстрадной знаменитости. Но обыватель нынче настолько подавлен гонкой за куском хлеба, что ему как-то не до высоких материй. В лучшем случае он идет на легкий — ни уму, ни сердцу — концерт. Остается вспоминать времена, когда и в оперном театре были аншлаги.

— Но вы-то не только вздыхаете о прошлом. Достаточно назвать ваш ежегодный фестиваль, сразу утвердивший себя как международный, — «Приглашает Мария Биешу». Это праздник оперного и балетного искусства, здесь и аншлаги, и толпы отчаявшихся попасть в зрительный зал, и радость открытия новых имен.

— Да, мой фестиваль, без ложной скромности, — одно из тех немногих событий в нашей малопривлекательной повседневности, которые не разобщают людей, а, напротив, напоминают о том, что всех нас прежде связывало. В Молдавии шла война, оба берега древнего Днестра, как казалось тогда, непримиримо противостояли друг другу, а фестиваль жил и объединял людей, быть может, по-разному представлявших себе будущее нашей многострадальной страны. Общество захлестывала митинговая стихия, а он привлекал своих поклонников именно тем, что возвышался над общим отупляющим ожесточением. Высокое искусство, пусть исподволь, но все же возвращает многим душевное равновесие...

— Года два тому назад в одном из своих публичных выступлений вы упомянули в числе желанных гостей фестиваля «Приглашает Мария Биешу» фамилию Лучано Паваротти. Это была шутка?

— Приглашения можно разослать по всему свету... Конечно, мы бы очень хотели видеть и слышать в Кишиневе Паваротти, хотя понимали, что шансов добиться этого немного: певец во всем мире нара-

хват. Но дело даже не только в его занятости. Всякий раз, когда мы садимся писать приглашения, перед нами встает уничижительная проблема нашей бедности, невозможности заплатить гостям сколь-нибудь достойный гонорар. Мало того, иных знаменитостей мы просим приехать за свой счет. И, представьте себе, едут — из уважения к наряду, который я имею честь представлять, из любви к искусству, если хотите. Так что недостатка в звездах первой величины на подмостках фестиваля пока все-таки не было. В разное время его почтили своим присутствием россияне Андрей Чистяков, Аскар Абдразаков, Фуат Мансуров, соседи-украинцы Вадим Писарев, Анатолий Мокренко, Валентин Пивоваров, румыны Ионел Войняк, Ион Янку и Помпеу Хэрэштану, Вероника Кортес из Франции, итальянка Лилиана Кози. И, конечно же, из года в год неизменно участвует в фестивале Ирина Архипова.

— С последней, насколько нам известно, у вас особые отношения — так сказать, сердечная и взаимовыгодная дружба...

— Несомненно, мы многое заимствуем друг у друга. Так, сначала родился фестиваль «Приглашает Мария Биешу», а через какое-то время возник и его российский аналог «Ирина Архипова представляет». И наоборот, Ирина Константиновна первой создает у себя фонд своего имени. Я восхищаюсь: «Мне бы так». «А что тебе мешает?» Мне и впрямь ничто не мешало — вскоре здесь я создала свой фонд поддержки культуры.

— Осташковский фестиваль, в котором вам довелось участвовать в прошлом году, — тоже одно из детищ Архиповой. Как вы чувствовали себя, окунувшись в патриархальную жизнь старинного русского городка?

— Ирина Константиновна давненько зазывала меня на озеро Селигер. Все времени не хватало, а тут собралась — и поехала. В Осташкове меня тронуло трепетное отношение простых людей к музыке. Нет, не к народной, это само собой, а к высокой классике. Сидят миловидные россиянки, повязанные платочками, так, что видны одни глаза — живые, выразительные, — и внимают музыке Чайковского, Рахманинова... Для меня это было откровением.

— Принято считать, что русская духовность и культура возрождаются сегодня «далеко от Москвы». А ваше мнение на этот счет?

— Я в какой-то степени могу согласиться с этим, так как много гастролировала по российской провинции, пела в Казани, Саратове, Уфе, Самаре, Пензе, Смоленске, Владимире, Твери... Эти встречи с моими почитателями незабываемы: люди помнят меня, мой репертуар, подолгу не отпускают со сцены, просят спеть «на бис» лирические молдавские дойки. И, конечно, под занавес требуют исполнить арию Чио-Чио-сан.

А вот в Москву, представьте себе, меня не приглашали долгие пять лет. Только в прошлом году старые связи стали восстанавливаться: я выступила в Малом зале Консерватории в рамках фестиваля «Времен связующая нить». И это было подобно встрече добрых старых друзей. Столичный зритель, я

это ощутила, соскучился по мне. Так же, как и я по нему.

— Не так давно вы произвели фурор в Санкт-Петербурге. В северную столицу до того вас тоже долго не приглашали?

— Там, знаете, даже до слез дошло. После концерта мою грим-уборную заполнили зрители. Некоторые плакали, спрашивая, отчего я так долго не приезжала. Кое-кто признавался: мы думали, Мария Лукьяновна, что вы больше не поете.

— Кажется, самое время поговорить о славе. До вас две великие молдаванки покорила зрителей своим пением. Имя Марии Чеботари было широко известно в мире. Тамара Чебан больше была популярна на пространных Советского Союза. Вам же досталось вдоволь признания и мирового, и союзного. И сейчас вы на высоте. Не тяжкое ли это бремя — слава?

— К славе, как и к любой другой напасти, со временем привыкаешь. Впервые это самое бремя я испытывала, когда появилась в Москве, победив на конкурсе «Мадам Баттерфляй». Чувствовала я себя тогда, признаться, прескверно: сказывалась трехдневная парокшиальная качка. Так вот, в гостиничный номер, куда я только что вселилась вместе со своим супругом, неведомо каким путем пробрался один настойчивый репортер. И с ходу стал задавать мне вопросы — в четыре часа утра! Я едва могла говорить, но все же вынуждена была в конце концов уступить его настойчивости — когда поняла, что и он тоже хочет быть первым, что и ему тоже подавай долю славы от того токийского триумфа. Муж тогда удивленно спросил: «Что, так теперь и будет?..»

— Оперные певцы и артисты балета раньше представляются режиссеру и почта. Вы стали народной артисткой СССР, когда вам едва исполнилось тридцать пять. Что стоит за столь ранним признанием?

— Самозабвенный труд плюс полное отсутствие личной жизни. О том, что постоянно надо «быть в голосе», не позволять себе никаких излишеств, я не говорю. Чего стоит одно разучивание партий. Во всем мире оперные произведения звучат на языке оригинала. Поэтому Бизе приходится петь на французском, Моцарта — на немецком, Верди и Пуччини — на итальянском, Чайковского и Рахманинова, соответственно, на русском. Оперный певец — актер. Вышел на подмостки — забудь про все невзгоды, утраты, про боль. Небеса могут пасть, а ты все равно должен петь, «жить в образе».

— Хосе Каррерас как-то при-

знался, что в лучшие свои годы он давал до ста выступлений ежегодно. А как у вас?

— Каррерас всю свою жизнь пел по контракту, и у него был резонансно вести бухгалтерию. Я же надрывала голос за одну зарплату. Иногда (это случалось на гастрольных театрах) участвовала в спектаклях через день, то есть пятнадцать раз в месяц.

Были у меня, правда, гонорары за отдельные выступления, но я этих денег так и не увидела. Все они шли на сберкнижку в Москве, на этом же вкладе лежали мои Ленинская и Государственная премии, гонорары за фильм «О, Мария!», за аудиозаписи «Нормы», «Чио-Чио-сан», «Тоски». В одночасье я всего этого лишилась, как и миллионы других людей в России. После либерализации цен приехала как-то в Москву, сняла все разом, добавила немного... Как раз хватило на покупку плаща.

— Но сегодня и вы, и ваши коллеги по театру трудитесь по контрактам, которые заключаете с западными импресарио? Поди, уж пол-Европы исколесили?

— В том-то и дело, что мы сегодня колесим по континенту, как балаганцы средневекового театра. Да, зарубежная публика к нам благосклонна, но, увы, приходится сказать и об ином — о том, как с нами разговаривают импресарио. Нас скупают сегодня фактически за бесценок. И мы едем. Три дня и три ночи — тряска в автобусе. Затем турне по городам, предположим, Италии. Гриммируем и выходим на сцену, что называется, «с колес», возим с собой сумки с продуктами: супочных, которые нам платят организаторы гастролей, едва хватает на один полноценный ужин, вот и кормимся в «кафе-розетка» (так артисты в шутку называют обыкновенный кипятильник). Далее, ежедневно проводятся концерты, главным образом на открытых площадках или в естественных декорациях — замках, дворцах, монастырях. Быть может, это романтично, но на голое влияет не очень благотворно. В общем, зачастую работаем в невыносимых условиях, однако это единственный в нынешней экономической ситуации способ театру выжить.

— И при том вы находитесь в великолепной форме, берегли голос. В связи с этим возникает пусть банальный, но вполне резонный вопрос: в чем же секрет вашего творческого долголетия и неуязвимости молодости?

— Я сохраняю отличную форму благодаря бельканто, точнее говоря, правильному дыханию, на котором основывается вся школа «прекрасного пения». Не раз замечала за собой: перед спектаклем болит голова, а выходишь на сцену — и после нескольких минут пения все как рукой снимает. Значит, делаю вывод: правильное дыхание лечит получше лекарств.

— И чем вы собираетесь «лечиться» в ближайшее время?

— На днях сдаем «Силу судьбы» Джузеппе Верди — спектакль восстановлен театром через несколько лет после премьеры, на этот раз на языке оригинала — и возем его как премьерную постановку в Италию. Затем начнется подготовка к главному для меня событию этого сезона — шестому фестивалю «Приглашает Мария...», который в нынешнем году совпадает с 35-летием моей творческой деятельности. Жду много гостей...

Беседу вели
Ольга ЛЯХОВА,
Александр ТХОРОВ.
Фото ИТАР-ТАСС

КИШИНЕВ.